

МАЯ ХАЛТУРИНА

«ОБ ОЧЕНЬ ХОРОШИХ ЛЮДЯХ ПИСАТЬ СЛИШКОМ ТРУДНО» : ДРУЗЬЯ ДЕТСТВА — ВОВА СМИРНОВ И МИША ГАСПАРОВ

*Халтурина М. В. «Об очень хороших людях писать слишком трудно» :
Друзья детства — Вова Смирнов и Миша Гаспаров // М. Л. Гаспаров. О нем.
Для него. — М.: Нов. лит. обозрение, 2018. — С. 385-394.*

Что имеем не храним — потерявши плачем. Фотографии 50-х годов, доставшиеся от деда, — мутные, едва различимые, как будто все они были напечатаны на засвеченной бумаге. Где негативы? Не знаю, не спрашивайте. Не сохранили. Слева, высокий, худой, кажущийся юным и легкомысленным — мой папа Виталий Иванович («Талик») Халтурин. Справа, в костюме и в очках, большелобый, кажущийся очень взрослым и серьезным, а на самом деле на семь лет моложе папы — Михаил Леонович («Миша») Гаспаров, одноклассник папиного брата Володи («Кути») Смирнова-Халтурина. Место действия: Москва, писательский дом в Лаврушинском переулке, или же Переделкино. Год? Моя мама, Татьяна Глебовна Раутиан, датирует фотографию по гладко выбритому подбородку папы: не позже июля 1950 г. В июле 1950-го папа уехал в экспедицию на Памир, откуда вернулся через полгода с густой, кудрявой бородой, которую потом много лет не сбрасывал. И скорее всего — никак не раньше 1950-го. В 50-ом году Гаспарову, так же, как и Куте — пятнадцать лет. Девятиклассники. Никак не младше! Кто снимал? Скорее всего, Кутя, без него папа с Мишей не встретились бы.

А вот Кутя и Миша. Скорее всего, дома у Кути (узнаю книжный шкаф в углу, доставшийся по наследству, в него как раз помещался 90-томный Толстой). Вова держит камеру, стоящую на штативе, а у Миши в руках — бачок для проявки фотопленок. Оба веселые, улыбающиеся... Володя любил фотографировать. Он погиб в возрасте 20 лет. Утонул на Рижском взморье летом 1955-го года. Вот его предсмертный портрет, с фотоаппаратом в руках и в тюбетейке, по странной тогдашней моде. Эта фотография — на его надгробном камне, в Яундубулты.

Володя Смирнов был разнообразно талантлив. Писал стихи. Подавал блестящие надежды как физик. Его игру в шахматы хвалил Давид Бронштейн. На его похороны пришел академик Ландау. Помимо всех прочих талантов, был у него, наверное, и особый дар дружбы, о котором написал его однокурсник по мехмату Геннадий Шефтер [\[1\]](#). Друзья — одноклассники и однокурсники — продолжали помнить и любить Вову спустя десятилетия после его гибели. Отсвет этой любви достался папе и даже (уж совсем незаслуженно) мне.

Володя Смирнов.

Михаил Леонович Гаспаров после смерти Вовы продолжал общаться с его родителями, литераторами [Верой Васильевной Смирновой](#) и [Иваном Игнатьевичем Халтуриним](#), и с его старшим братом. Упоминания об этой детской дружбе, трагически оборвавшейся, часто всплывают в письмах Гаспарова, в его «Записях и выписках». Он не оставил мемуаров о своем школьном товарище, но, может быть, именно потому что дружба была слишком близкой, а потеря — слишком болезненной. Михаил Леонович Гаспаров — Ирине Юрьевне Подгаецкой, 12–18 октября 1992 г., Стэнфорд: «Я начал это письмо 12 октября, в «Колумбов день» 500-летия открытия Америки <...>. Я эту дату знал, потому что это день рождения моего товарища — того, в лето смерти которого мы с вами случайно встретились в Риге, и я от отупения не понимал, с кем я говорю» [\[2\]](#).

Михаил Гаспаров и Иван Халтурин.

Возможно, их сближала некая душевная утонченность, ранимость (неслучайно Гаспаров цитирует слова Бориса Пастернака о Вове, сказанные задолго до его гибели и записанные Лидией Чуковской: «Это человеческий детеныш среди бегемотов, и потому за него всегда страшно»[\[3\]](#)). А еще этих двух подростков сближали весьма взрослые интеллектуальные интересы: поэзия, древняя история, английский язык... Михаил Гаспаров, из Мэдисона, Висконсин, в Наяк, штат Нью-Йорк, Виталию Халтурину: «В Америке я в третий раз <...>. Но говорю только очень ломано, а ответов на слух совсем не понимаю. Гораздо пассивнее, чем когда мы с Вовой учились и читали Шекспира вперегонки»[\[4\]](#). Английским с ними обоими занимался летом в Переделкино Корней Чуковский. Воспоминания об этих занятиях, вошедшие потом в книгу «Записи и выписки»[\[5\]](#), Гаспаров, по-видимому, прислал Вере Васильевне Смирновой еще в 70-х годах и она включила их в свой мемуарный очерк о Чуковском [\[6\]](#). (Может быть, это одна из первых опубликованных *записей* Гаспарова?)

В Переделкино же, в «детское лето», в доме Володи Смирнова, Гаспаров, гостивший у него на каникулах, впервые познакомился с поэтом, стиховедом и переводчиком Сергеем Бобровым, автором рукописи «Мальчик» (занятная параллель — Вера Смирнова была автором трогательной детской повести «Девочки»). Потом Гаспаров и Бобров оказались коллегами и многолетними собеседниками: оба входили в стиховедческую группу Института мировой литературы («После заседания я одолел робость и подошел к нему: “Вы меня не помните, а я вас помню: я тот, который с Володей Смирновым...” — “А-а, да, конечно, Володя Смирнов, бедный мальчик...” — и он позвал меня прийти к нему домой»[\[7\]](#)). Так началось их долгое общение, описанное в «Воспоминаниях о Сергее Боброве».

Дружба с Вовой оставила такой глубокий след, возможно, именно потому, что была окном в другой мир: у его родителей была огромная библиотека, а Гаспаров с детства испытывал жажду чтения («Я рос в доме, где не было даже “Анны Карениной”. Тютчева, Блока, Фета я читал по книгам, взятым у знакомых», — пишет он в главе «Врата учености»[\[8\]](#)). Одноклассник Гаспарова Б.Н.Головкин вспоминал, что еще в ранние школьные годы Михаил Леонович увлекался составлением карт Древнего мира, стиховедческими разборами и русской поэзией начала века, которую ему удавалось прочесть в домашней библиотеке Ивана Игнатьевича Халтурина [\[9\]](#).

Вера Васильевна Смирнова.

У Веры Васильевны и Ивана Игнатьевича была большая коллекция античных авторов — ими Гаспаров тоже начал зачитываться еще в школе. В 1995 году Михаил Леонович писал — из одного конца Америки в другой — моему папе Виталию Халтуру: « <...> 30 лет моей служебной специальностью была греческая и римская литература (с которыми я когда-то впервые познакомился в книжных шкафах Ивана Игнатьевича)» [\[10\]](#). Кстати именно в этой точке — античность — пересеклись творческие интересы Веры Васильевны и Михаила Леоновича. Она пересказала для детей древнегреческие мифы, напечатав в 1955 году книжку «Герои Эллады» (ее переиздают и по сей день). А он в 1995 году выпустил свою знаменитую «Занимательную Грецию», пересказав для детей и взрослых весь греческий мир.

Гаспаров не написал воспоминаний о своем школьном друге. Он написал перевод. На одном из писем 2001 года к Марии-Луизе Ботт он ставит дату —

18–19 октября — и делает приписку: «А 12 октября, в Колумбов день, был день рождения моего товарища, о котором я перевел «Ликида» Мильтона» [\[11\]](#). Уникальная формулировка. Не посвятил перевод. Не перевел в память о таком-то. Нет. *О котором я перевел «Ликида»...* В «Записях и выписках» Гаспаров приводит полный, на несколько страниц, текст этого стихотворения.

Умер Ликид,
До полудня своего умер юный Ликид,
Умер, не оставив подобных себе,
И как мне о нем не петь?

... Ниже — небольшая подборка, в которой собраны упоминания о Володе Смирнове и его семье, встречающиеся в книгах Михаила Гаспарова.

Михаил Леонович Гаспаров — Ирине Юрьевне Подгаецкой, 10 — 15 октября 2001 г., Анн Арбор (Ваш М. Г. Из писем Михаила Леоновича Гаспарова, М.: «Новое издательство», 2008: 248):

Когда мне было 35 лет, «середина странствия земного», мне по разным причинам было очень нехорошо, и я сказал себе: вот я издам три книги — Маршака в «Б-ке поэта», чтобы значиться на нем рядом с В. В. Смирновой, матерью моего утонувшего товарища; Диогена Лаэртского, чтобы он вышел под редакцией Т. В. Васильевой, которую я издали любил и которая теперь тяжело умирает; и Историю русского стиха, это уже для себя, — а больше ничего в жизни не буду планировать, дальше пусть будет довесок, сочинение графа Амори. Наполовину так оно и вышло.

М. Л. Гаспаров, Маршак и время (Гаспаров М. Л., О русской поэзии, С.-Пб.: «Азбука», 2001: 410).

В 1973 году в «большой» «Библиотеке поэта» вышел том: Маршак С. Я. Стихотворения и поэмы. Статью к нему писала покойная В. В. Смирнова, а текст и примечания готовил я, пользуясь огромным архивом, хранившимся у сына поэта, И. С. Маршака. По ходу работы В. В. Смирнова попросила меня написать, какое представление составилось у меня о творчестве Маршака в целом. Я написал для нее эту статью. За последующие двадцать лет я несколько раз предлагал ее в печать; ее хвалили, но почему-то не печатали. Только журнал «Даугава» в 1987 г. решился напечатать ее в половинном

сокращении, а потом «Литературная учеба» в 1994 г. — полностью. Сейчас Маршака скорее не любят, чем любят, — он слишком сросся с памятью о советской власти и советской литературе. Мне хотелось взглянуть на него объективнее. Пусть эта статья будет посвящена дорогой для меня памяти Веры Васильевны Смирновой.

М. Л. Гаспаров, Записи и выписки, М.: «Новое литературное обозрение», 2012.

СТРАХ И СОВЕСТЬ

Оксман как-то сказал: «Я служил большевикам не за страх, а за совесть, но не доверял им ни минуты. А другие служили за страх, но верили. Поэтому я выжил, а они нет». И. И. Халтурин говорил: «Беда Зоценко в том, что он, хоть и дворянин, и штабс-капитан, был совершенно советский человек и верил в справедливость. А Ахматова твердо знала, что писателю ничего хорошего никогда не бывает. Она должна была бы благодарить за Октябрьскую революцию: к 1917 г. все поэтессы уже научились писать не хуже ее. А теперь посмотрите на нее — знаменосица!». (с. 273)

ДЕТИ

И. Ю. П. сказала: «По “Живаго” видно, что Пастернак не любил детей — они были для него только отяготителями женской доли, на которой он только и был сосредоточен: “в браке дети теребят”». Я вспомнил, как В. В. Смирнова была недовольна мимолетностью фразы: «они поженились, и у них пошли дети». (с. 121)

«ПОВЕСИЛИСЬ Цветаева и Санникова» — запись в дневнике Шкапской военных лет. Санникова, жена поэта Гр. Санникова, с первых дней Чистополя была вне себя, кричала о всеобщей гибели и в каждом пролетавшем самолете видела немецкий. Цветаева была у нее, перед тем как уехать из Чистополя. Вера Вас. Смирнова до конца жизни не сомневалась, что это было предпоследним толчком к цветаевской петле [\[12\]](#). (с. 160)

ПО ОДЕЖКЕ

Рассказывала В. В. Смирнова, которая в войну работала в «Знамени». Писатели заезжали в редакцию прямо с фронта. Симонов был каждый раз в новой форме, все удивлялись его щеголеватому белому полушубку. А Платонов был в потертой шинели, как маленький солдатик, тихим голосом рассказывал ужасы и опять исчезал. Твардовский в гимнастерке, немного пьяный, садился на пол у стола, поднимал круглое лицо и, прищурясь,

говорил: «А ведь вы меня не любите!». (с. 161)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

«Не хочу умирать, хочу не быть» (Цветаева в записях 1940 г.). А Кузмин писал, что не хотел бы делаться католиком (или старообрядцем?), но хотел бы им быть. Был юбилей Эразма Роттердамского, И. И. Халтурин сказал: «Ваш Эразм — воплощение интеллигентского отношения к действительности: пусть все будет по-новому, только чтоб ничего не менялось». (с. 26)

СТЫД

Есть за кого стыдиться, да не перед кем. «Умер последний, которого стеснялись», — начиналась самиздатская заметка Оксмана о Чуковском.

Летом в Переделкине Чуковский занимался английским с внуком, а заодно уж и с моим товарищем («прерывать на лето нельзя»), а заодно уж и со мной, как товарищем моего товарища («вместе интереснее»). Я боялся идти, он прислал приглашение «пожаловать к Корнею Чуковскому, литератору», против «литератора» устоять было уже невозможно.

Казалось, ему интереснее всего было дознаться, на что способен каждый из нас. «Диктовки» его были не совсем обычные: он диктовал по-русски, а записывать мы должны были по-английски. Фразы были странные, например, такие «Вежливый вор приподнял шляпу и сказал “Старинные замки лежат во прахе, господин инспектор!”». Переводы с английского мы делали соревновательно. Он дал нам книжечку с очень милой английской сказкой о страшном чудовище, которое было вовсе не страшным и поэтому очень тосковало, что все его считают страшным (трогательная сказка, я ее в молодости очень любил), и к каждому уроку мы должны были переводить порознь по несколько страничек. На уроке переводы сравнивались, и удачи и неудачи отмечались на полях крестом или минусом. За какой-то удачный оборот он поставил одному из нас сразу три креста. Его маленький правнук, присутствовавший при наших уроках, воскликнул: «У-у-у!». Корней Иванович необычайно обрадовался: «Смотрите, смотрите, он уже за кого-то болеет!». А когда переводы — гораздо чаще — были плохи, он делал выговоры деликатно и весело, чаще всего при этом упоминались «палочные изделия». Он любил рассказывать, как однажды в Сухуми заметил киоск с объявлением: «Продаются палки»; приехал на следующий год, а вывеска уже новая — «Продажа палочных изделий». Лет через десять я рад был найти этот пример в новом издании его «Мастерства перевода». (с. 172–173)

АНТИЧНОСТЬ

Выполняла ли ваша углубленность в античность роль заслона от маразма советской (и, наверное, не только советской) действительности? Из анкеты.

Дети любят заумные слова, а потом взрослые их от этого отучивают. Мне удалось сохранить эту любовь почти до старости. До сих пор помню юмористический рассказ про индейца, которого звали Угобичибугочибшгаупаукиписвискиви-вичинбул, что будто бы значило «маленькая ящерица, сидящая на сухом дереве, с хвостом, свешивающимся до земли». (Так Крученых приводил на пушкинскую заумь примеры из «Джона Теннера».) Я полюбил историю и географию, потому что в них было много заумных имен и названий. В географии — главным образом в экзотических странах. В истории — главным образом в древности и в средние века. Мне повезло прочитать школьные, а потом университетские учебники раньше, чем по ним пришлось учиться, и они звучали как музыка. Но лишь пока не начиналась история нового времени: в ней почему-то имена исчезали, а оставались сословия, классы и партии. Поэтому древность была интереснее. Мне еще раз повезло: в доме у моего товарища было много книг античных авторов в русских переводах, и к концу школы я успел их прочесть и полюбить. Когда я кончал школу, то твердо знал, что хочу изучать античность: в нее можно было спрятаться от современности. Я только колебался, идти ли мне на исторический факультет или на филологический. Я пошел на филологический, рассудив: на филологическом легче научиться истории, чем на историческом — филологии. Оказалось, что я рассудил правильно. (с. 291)

ШКОЛА

Тяжелей всего было в пятом классе. Начинается созревание, в ребятах бродят темные гормоны, у всех чешутся кулаки подрасться. Я ухажу в болезнь: у меня что-то вроде суставного ревматизма, колени и локти как будто скрипят без смазки. Врачи говорят: это от быстрого роста. Больно, но не очень; однако я притворяюсь, что не могу ходить, и восемь месяцев лежу на спине, не шевеля ногами. Изредка из школы приходят учителя, и я отвечаю им про Карла Великого, водоросль вольвокс и Лермонтовские «Три пальмы». Видимо, я хорошо выбрал время; когда кончился этот год и я пошел в седьмой класс, то меня уже не били. Возрастной перевал остался позади.

Моего школьного товарища звали Володя Смирнов; он утонул на Рижском взморье, когда нам было по двадцать лет. Он был сыном Веры Васильевны Смирновой, критика, и Ивана Игнатьевича Халтурина, детского писателя (того, который сделал книгу В. К. Арсеньева «Дерсу Узала»). Я сказал: «Нас

не очень сильно били: нас было неинтересно бить», Ив. Игн. откликнулся: «Ты всю жизнь себе так построил, чтобы тебя было неинтересно бить». Наверное, правда.

<...> Я сказал Нине Брагинской: от меня требуют воспоминаний, а они мне мучительно не даются. Она ответила: «И понятно: как ученый, вы стараетесь быть прозрачным стеклом, чтобы видно было не вас, а только ваш предмет; а мемуарист, о чем бы ни писал, всегда в конечном счете пишет о себе». Я сказал: я не помню и не люблю моего детства, а в воспоминаниях возвращаюсь именно к нему. Она ответила: «И это понятно: воспоминания о детстве никто не может проверить, а в воспоминаниях о зрелом возрасте всегда приходится оглядываться, что об этом написали или напишут другие. Посмотрите мемуары НН: интересный человек, необычная жизнь, но так скован образом русского интеллигента, что в толстой книге нечего читать». Я вспомнил, как Веру Васильевну Смирнову уговаривали написать воспоминания о Пастернаке, а она весело отговаривалась: «Сперва покажите мне воспоминания Зинаиды Николаевны». Она тоже жила в Ирпени летом 1930-го, и З. Н., стоя у плиты, радостно рассказывала ей, как Борис Леонидович только что в лесу стал перед нею на колени в хвою и объяснился в любви, и шутила, не передать ли ей Генриха Густавовича (Нейгауза, ее первого мужа) Вере Васильевне, как котенка в хорошие руки? Но у Веры Вас. была своя трудная жизнь, и было не до того. Воспоминаний Зинаиды Николаевны ей не показали, и поэтому своих она не написала.

Здесь мне нужно написать о моем товарище, который утонул. Мы с женой, ничего не зная, приехали в Дубулты, стали искать Веру Васильевну, нам сказали: «А-а, это у которой несчастье!» — не «с которой», а «у которой», и все стало ясно. Но я не могу этого сделать: об очень хороших людях писать слишком трудно. Пусть вместо этого здесь будет перевод чужих стихов. Мы с ним любили английские стихи и греческие мифы. (с. 78–79)

Примечания

[1] Шефтер Г., 'Мой друг — Володя Смирнов-Халтурин', Семейная мозаика : сайт Татьяны Раутиан. — [2007]. — URL: <http://rautian.ru/?story&id=925>. То же: Шефтер Г., 'Володя Смирнов. Слово о друге', Клуб выпускников механико-математического факультета МГУ. — URL: http://old.alumni.mexmat.ru/files/1957/smirnov_v.htm. Шефтер в частности вспоминает, как скучая на лекциях по марксизму-ленинизму, Володя мог почти без помарок, одним духом написать стихотворение на заданную тему из пяти-шести строф. ([наверх](#))

[2] Ваш М. Г. Из писем Михаила Леоновича Гаспарова, М.: «Новое издательство», 2008, 127. ([наверх](#))

[3] Гаспаров М. Л., Записи и выписки, М.: Новое литературное обозрение, 2012, 95. Далее: Записи и выписки. ([наверх](#))

[4] Письмо от 2 марта 1995 г., хранится в личном архиве Т. Г. Раутиан (Москва). История переписки мне неизвестна, и у папы уже не спросишь. Судя по ответам М. Л., началась она так: папа послал факс на имя Гаспарова в Блумингтон, когда тот уже уехал. « <...> добрые люди переслали твое письмо мне вслед, я получил его в Мэдисоне, и когда мне сказали «факс с обращением на “ты”!», то долго догадывался, откуда. Это мне самая большая и радостная неожиданность». С восхищением и нежной любовью узнаю фирменный жест моего папы: через сорок лет просто взять и позвонить в дверь (Ларисе Вольперт, подруге детства), просто прислать факс на «ты» (а как еще можно писать однокласснику младшего брата?) и т. д. В другом письме, от 31 марта 1995 г., Гаспаров извиняется, что не успел пригласить папу на свою лекцию о Мандельштаме в Колумбийском университете и подробно пересказывает ее содержание и смысл. Фирменный стиль Михаила Леоновича... ([наверх](#))

[5] Записи и выписки, 172–173. ([наверх](#))

[6] Смирнова В., 'В Ленинграде, в Москве, в Переделкине', Жизнь и творчество Корнея Чуковского, М.: Детская литература, 1978, 73. ([наверх](#))

[7] Записи и выписки, 95–96. ([наверх](#))

[8] Записи и выписки, 287. ([наверх](#))

[9] «У одного из наших одноклассников, Смирнова <...>, отец — Иван Игнатьевич Халтурин, имел изумительную библиотеку поэтов Серебряного века. Тогда это нигде нельзя было достать, нигде нельзя было прочесть, а, приходя к ним в гости, мы садились и читали. Может быть, Гаспарову разрешалось и домой брать. Во всяком случае, интерес этот всячески подогревался и развивался дальше, определяя тематику его работ в этом направлении» (Головкин Б. Н., 'О школьных годах М. Л. Гаспарова', Вечер памяти Михаила Леоновича Гаспарова. 8 декабря 2005 года. Сб. материалов, М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007, 69). ([наверх](#))

[10] Письмо от 31 марта 1995 г., хранится в личном архиве Т. Г. Раутиан (Москва). ([наверх](#))

[11] «Читать меня подряд никому не интересно...»: Письма М. Л. Гаспарова к Марии-Луизе Ботт, 1981–2004 гг., Новое литературное обозрение, 2006, № 77(1), 227. ([наверх](#))

[12] Гибель Цветаевой произошла на глазах у Веры Васильевны. Вместе с другими писательскими семьями она была в Чистополе в эвакуации и присутствовала на заседании, где обсуждалась кандидатура Цветаевой в качестве судомойки открывающейся столовой Литфонда. Заявление о приеме на работу судомойкой, которое Цветаева написала за несколько дней до самоубийства, Вера Васильевна сохранила. Скорее всего, она никому об этом не рассказывала. В 1978 году, уже после смерти и Ивана Игнатьевича, и Веры Васильевны, разбирая бумаги своего отца, [мой папа случайно нашел это заявление](#), спрятанное за обложкой старого отцовского военного билета. Он передал этот листок бумаги, написанный рукою Марины Цветаевой, давнему другу своего отца — Лидии Корнеевне Чуковской. И она опубликовала его сначала за границей, а после перестройки — в России (см.: Чуковская Л., 'Предсмертие', Чуковская Л., Сочинения, в 2 т., т. 2, М.: Арт-Флекс, 2001, 241 — 270). ([наверх](#))
